

народного творчества. Осуществлялся поиск новых путей его дальнейшего развития. Дома ремесел стали новой учебно-творческой и организационно-методической структурой в системе народного творчества. Они возрождают тот богатый, глубоко народный потенциал духовности, который мог быть потерян под влиянием технического прогресса, урбанизации и социальных изменений в современной жизни. Сегодня новое, молодое поколение наших людей, которая учится и работает рядом с опытными мастерами старшего поколения в Домах ремесел и центрах народного творчества, продолжает сохранять и развивать богатые народные традиции, возрождать национальную культуру.

---

1. *Маркарян, Э.С.* Интегративные тенденции во взаимодействии общественных и естественных наук / Э. С. Маркарян. – Ереван : Изд-во Акад. наук АрмССР, 1977. – 230 с.

2. *Немет, Л.* Изменение функции искусства (о процессе субъективизации) / Л. Немет // Борьба идей в эстетике. Марксистско-ленинская критика реакционных эстетических учений / М. Овсянников [и др.]. – М., 1974. – С. 103–126.

*Т. О. Прохорцева, преподаватель
каф. народного ДПИ БГУКИ*

НЕОФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЖИВОПИСИ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

В последнее время границы фольклора сместились. Следовательно, необходимо разделять собственно фольклор как явление, имеющее завершённую форму и существующее за пределами современности, а также современные фольклорные практики, обозначаемые как неофольклор. Необходимо включать в поле интересов и те явления, которые имеют фольклорную природу, но не являются «чистым» фольклором. Так, например, «тексты», создаваемые профессиональными художниками, вливаются в последствии в фольклорную традицию и бытуют в ней. В культурной традиции происходит размывание границ между фольклором и профессиональным искусством, аутентичным и вторичным фольклором, традиционной культурой и художественной самодеятельностью.

Художник превращает фольклор, его идеи, смыслы и замыслы в различные художественные формы, в которых «первичные признаки» фольклора могут исчезать, но которые своим рождением обязаны ему. Фольклор и искусство могут выступать как единая метасистема. Иногда фольклорная традиция даже более продуктивна в искусстве, чем собственно в фольклоре, о чем писал еще Д. Н. Медриш относительно взаимодействия литературы и фольклора [1, с. 102].

Довольно часто художники вступают с фольклором в «спор», в котором присутствует элемент, «считывания» фольклорных смыслов, а также их последующая переформулировка в собственном творчестве. Тем самым происходит продуктивное усвоение возможностей фольклора [2, с. 3]. Таким образом художественные явления относятся формой диалога с фольклорной традицией. Так, живописец А. Силивончик, обращаясь к традиционным фольклорным образам птицы, Мирового Дерева, трактует древние архетипы субъективно и создает для них в своем творчестве новый, авторский контекст.

Мы выделяем, согласно К. Чистову, в белорусском не-офольклоре пять видов «вторичных» форм:

- квазиподобные (В. Сковородко, В. Костюченко, Г. Дроздов, Ф. Ястреб),
- регенерированные (С. Тимохов, В. Кожух),
- общенациональные (Г. Ващенко, А. Марочкин, В. Барабанцев),
- стилизованный фольклоризм (В. Губорев, А. Силивончик),
- скрытый фольклоризм (З. Литвинова, Н. Бущик, В. Климушка, Е. Батальенок, А. Суша).

Для белорусской неофольклорной живописи характерны такие черты как обращение к общечеловеческим ценностям (А. Марочкин, Е. Батальенок, Г. Ващенко, В. Барабанцев); высмеивание пороков и недостатков, юмор и самоирония (В. Губарев, А. Силивончик, В. Сковородко); обращение к фольклору и мифологии, древним архетипам (Ф. Ястреб, А. Марочкин, С. Тимохов, В. Кожух, А. Силивончик); неклассическая художественная форма (Н. Бущик, Г. Дроздов, З. Литвинова, В. Сковородко, А. Силивончик, С. Тимохов).

Перефразируя А. Н. Василевского, можно сказать, что неофольклор стоит на границе поэзии мифа и художественной мифопоэтики. Миф, а вместе с ним и ритуал – это создание

иной действительности, преодоление хаоса в распадающихся связях мира [2, с. 6]. В результате диалектического взаимодействия с фольклором становится возможным приобщение к космосу народной жизни, народной эстетики.

Обращение к темам традиционных обрядов и праздников, к мифологемам Дерева Жизни, Солнца, Луны/Месяца, а также к тематике устно-песенного фольклора – лирических, обрядовых и песен трудового цикла, – объединяет творчество таких живописцев, как А. Силивончик, В. Костюченко, Г. и Н. Ивановы, В. Сковородко, В. Губарев, С. Тимохов, З. Литвинова, В. Кожух, Н. Бущик, Г. Ващенко, Г. Дроздов и др. Для их творчества характерно не только обращение к фольклорно-мифологической традиции, но и к изобразительной форме, традиционной для народной культуры.

В некоторых случаях «фольклоризм» живописных полотен носит скрытый характер. Такой «скрытый фольклоризм» – глубинный по своей сути, т.е. фольклорные в чистом виде не используются, она синтезированы в художественном «тексте», преобразованы. Это суждение справедливо по отношению к творчеству З. Литвиновой, Г. Ващенко, А. Суши, Е. Батальенка, В. Климушки.

Живописцы, находясь в «споре» со сложившимися художественными системами, обращаются к архетипическим традициям, что характерно для творчества А. Силивончик, С. Тимохова. Вместе с тем, длительное наращивание новых смыслов создало значительную дистанцию между метафорическими архетипами первобытного искусства и современными художественными практиками. Художественная традиция играет значительную роль в опыте постижения фольклорного «языка», «таящего сверхсмыслы мифа» [2, с. 11]. В своем творчестве белорусские живописцы обращаются к художественному опыту отечественных и зарубежных мастеров XX в. – К. Малевича, М. Филипповича, П. Пикассо и А. Руссо, которые облекали древние архетипы, мифологические и фольклорные образы в новую, неклассическую художественную форму.

Если древняя мифология преобразовывала и концентрировала первобытные знания о мире и его нормах, представлявших древнему человеку объективными, то современная художественная мифопоэтика допускает преломление действительности в фантастических, гротескных и гиперболических

образах, которые могут противоречить непосредственно воспринимаемому порядку вещей (В. Губарев, В. Сквородко, В. Костюченко).

Таким образом, фольклорные произведения вступают в диалог с постигающим его сознанием, что является характерным и для белорусского неофольклора.

---

1. *Медриш, Д. Н.* О системно-типологическом изучении литературно-фольклорных связей в области поэтики / Д. Н. Медриш // Фольклор народов РСФСР : межвузовский сб. – Уфа, 1985.

2. *Смирнов, В. А.* Литература и фольклорная традиция, вопросы поэтики : Архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX вв. Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Бунин : дис. ... д-ра филологических наук : 10.01.01 / В. А. Смирнов. – Иваново, 2001.

3. *Смирнов, И. П.* От сказки к роману / И. П. Смирнов // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). – Ленинград, 1972. – Т. 2.